

Жорж Сименон
Инспектор Кадавр

1944

Сименон Ж.

Инспектор Кадавр / Ж. Сименон — 1944

В романе «Инспектор Кадавр» мы не только становимся свидетелями расследований зловещих преступлений, но и все больше узнаем о комиссаре Мегрэ. О его семейной жизни, о привычках, занятиях и характере госпожи Мегрэ. Автор старается показать своего героя в окружении подчиненных: мы видим Мегрэ глазами инспекторов бригады по расследованию убийств. Каждый из них становится нам хорошо знакомым, каждый предстает как личность, как живой человек с его неповторимой судьбой, не перестающей волновать комиссара Мегрэ, а значит, и читателя. Главный герой романа – гениальный сыщик, проницательный грузный добряк комиссар Мегрэ, как всегда, блистательно справляется с поставленными перед ним задачами. Он расследует убийство молодого человека, совершенное в небольшом городке.

Содержание

1. Ночной поезд	5
2. Девушка в ночной сорочке	13
3. Господин, от которого все хотят избавиться	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Инспектор Кадавр

Жорж Сименон

1. Ночной поезд

Мегрэ угрюмо смотрел в окно. Он невольно держался с той напускной отчужденностью, которая появляется у человека после долгих часов, праздно проведенных в купе поезда. Обычно едва состав начнет приближаться к станции, даже хода еще не замедлит, как из всех щелей выползают какие-то неуклюжие фигуры в широченных плащах. С чемоданом или портфелем в руке они стоят в коридоре вагона, небрежно опершись на медный прут у окна, и намеренно не замечают друг друга. Стекло было исчерчено горизонтальными, похожими на следы слез полосками: шел дождь.

Сквозь его прозрачную пелену Мегрэ сначала увидел в ночи сноп света – это была будка стрелочника, и затем сразу же, без всякого перехода, под железнодорожным полотном заблестели, словно каналы, прямые улицы городка, дома которого казались совершенно одинаковыми; замелькали окна, крылечки, тротуары, и вдруг среди этого мертвого царства на миг показалась фигура случайного прохожего в дождевике, бог весть куда бредущего. Мегрэ не спеша тщательно набил свою трубку. Чтобы раскурить ее, он повернулся спиной по ходу поезда. В конце коридора, у тамбура, стояли четверо или пятеро пассажиров, которые, как и он, ждали, когда остановится поезд, чтобы разбрестись по пустынным улочкам городка или ринуться в привокзальный буфет. Один из них, с худым, бледным лицом, поспешно отвернулся, но Мегрэ уже узнал его. Кадавр!

– Болван, притворяется, будто не видит меня, – пробурчал Мегрэ, но тут же нахмурился: интересно, куда это его несет, уж не в Сент-Обен ли?

Поезд замедлил ход и остановился. Станция Ниор. На перроне, холодном и мокром, Мегрэ окликнул железнодорожного служащего:

– Скажите, пожалуйста, когда отходит поезд на Сент-Обен? – В двадцать семнадцать, с третьего пути.

Значит, у него есть еще полчаса. Мегрэ прогулялся в конец перрона в уборную, а затем прошел в буфет, выбрал один из многочисленных свободных столиков и тяжело опустился на стул. Придется коротать время в этом тускло освещенном зале. В другом конце, как раз против него, за таким же голым, без скатерти, столом уже сидел Кадавр. Он опять сделал вид, будто не замечает Мегрэ. Конечно, этого человека звали не так. Настоящее его имя было Жюстен Кавр, но лет двадцать назад кто-то окрестил его инспектором Кадавром, и с тех пор в уголовной полиции его никто иначе не называл. До чего же глупый вид был сейчас у Кадавра! Сидя с постной миной в своем углу, он вертелся и так и сяк, лишь бы не смотреть в сторону Мегрэ. Он знал, что Мегрэ его заметил. Тощий, бледный, с воспаленными веками, он был похож на тех мальчишек, которые на перемене томятся от скуки в одиночестве, злостью маскируя свое желание играть вместе со всеми. В этом был весь Кавр. А ведь он умный человек. Пожалуй, даже самый умный из числа тех инспекторов, которых знал комиссар. Кавр и Мегрэ были одного возраста, и если уж говорить по совести, то Кавр, пожалуй, образованнее и, останься он служить в полиции, разве не получил бы он звания комиссара еще раньше, чем Мегрэ? Но почему он с молодых лет выглядел так, будто уже тогда нес на своих худых плечах тяжесть чьего-то проклятия? Почему смотрел на мир с недоверием, словно в каждом видел своего заклятого врага?

– Инспектор Кадавр опять дал свой девятидневный обет...

Эту фразу некогда сплошь и рядом можно было услышать в уголовной полиции на набережной Орфевр. Чаще всего из-за какого-нибудь пустяка, а иногда и вообще без всякого повода

Кавр становился вдруг молчаливым, настороженным, ну просто человеконенавистником. Мог неделю ни с кем не разговаривать, лишь изредка злорадно ухмылялся, словно раскрыл какие-то черные замыслы своих сослуживцев. Очень немногим было известно, почему Кавр так внезапно ушел из полиции. Мегрэ и сам узнал об этом не сразу, а когда узнал, то ему стало жаль Кавра. Кавр до безумия любил свою жену, любил страстно и ревниво. Это была опустошающая страсть не мужа, а любовника. Чем только пленила его эта вульгарная женщина, которая своими вызывающими манерами напоминала не то особу легкого поведения, не то плохонькую провинциальную актрису, мнящую себя кинозвездой? Но, как бы там ни было, именно из-за нее он совершил ряд серьезных проступков. Были вскрыты некрасивые денежные махинации, и однажды вечером Кавр, понутив голову, вышел из кабинета начальника. Через несколько месяцев стало известно, что на улице Друо, над филателистической лавкой, он открыл частное сыскное агентство... Пассажиры в буфете закусывали каждый в одиночку, окруженные тишиной и скукой. Мегрэ выпил кружку пива, обтер губы, взял свой чемоданчик и направился к выходу, пройдя метрах в двух от своего бывшего сослуживца. Тот пристально рассматривал на полу чей-то плевков. Небольшой состав, черный и блестящий от дождя, уже стоял на третьем пути. В купе старенького вагона было сыро и холодно, и Мегрэ сделал тщетную попытку плотнее прикрыть окно. На перроне бегали, суетились, хлопали дверьми – все это были настолько привычные звуки, что, и не видя, можно было представить себе, что там происходит. Раз-а три приотворялась дверь, и в купе просовывалась чья-нибудь голова. Все пассажиры одержимы одной манией-найти пустое купе. Увидев Мегрэ, дверь захлопывали. Когда поезд тронулся, Мегрэ вышел в коридор, чтобы поднять там оконное стекло: сквозило. В соседнем купе он увидел инспектора Кадавра. Тот сделал вид, что дремлет. Ну и пусть! Глупо обращать на это внимание! И без того вся история, связанная с его поездкой, достаточно нелепа. Поскорее бы стряхнуть это дело с плеч! В конце концов, какое ему дело до того, что Кадавр тоже едет в Сент-Обен? За окном была сплошная темень, иногда прорезываемая мигающим светом фонаря на обочине дороги, светом автомобильных фар или, что выглядело особенно таинственно и привлекательно, желтым квадратом освещенного окна... Судебный следователь Брежон, очень вежливый, застенчивый человек с манерами в духе девятнадцатого века, сказал Мегрэ:

– Мой зять Этьен Но встретит вас на вокзале. Я уже известил его о вашем приезде. Мегрэ посасывал свою трубку, и мозг его сверлила одна мысль: "Какого черта Кадавр тащится в Сент-Обен?" Мегрэ ехал в Сент-Обен, не имея официального поручения.

Следователь Брежон, с которым ему так часто приходилось вместе работать, прислал Мегрэ записку с любезной просьбой заглянуть к нему. Это было в январе. Больше недели в Париже шел непрерывный дождь – как сейчас в Ниоре. Солнце не показывалось ни на минуту. В кабинете следователя на столе стояла лампа с зеленым абажуром. Пока Брежон говорил, то и дело протирая свои очки, Мегрэ думал о том, что и у него в кабинете стоит лампа с зеленым абажуром, но только абажур другой. У Брежона он был ребристый и напоминал дыню.

– ...Мне, право, так неловко, что я потревожил вас... тем более не по делам службы... Присядьте, прошу вас. Присядьте... Возможно, вы знаете... Да, не угодно ли сигару?... Так вот, возможно, вы знаете, что я женат на урожденной Лека... Впрочем, о чем я говорю, это же не имеет никакого значения... Да, так вот, моя сестра Луиза Брежон после замужества носит фамилию Но. Время было позднее. На улице прохожие, видя на фоне темного грозного здания Дворца правосудия свет в окне, наверно, думали, что там, наверху, решаются какие-то важные вопросы.

Надо сказать, что, глядя на плотную фигуру Мегрэ, его озабоченно нахмуренный лоб, и впрямь можно было заключить, что он весь во власти глубокого раздумья, и наверняка никто не догадался бы, какими мыслями в действительности занята его голова. Вполуха слушая сбив-

чивый рассказ следователя, Мегрэ с завистью сравнивал его абажур со своим и думал, что и ему неплохо бы обзавестись таким же.

– Понимаете, какова ситуация... Небольшой городок, почти деревня... Вы сами увидите... Люди оторваны от всего света... Недоброжелательство, зависть, беспричинная злоба... Мой зять-добрейший, простой человек... Племянница-сущее дитя... Если вы не возражаете, я выхлопочу вам отпуск на недельку... Благодарность всех моих родственников вместе с благодарностью того, тех, кто...

Вот так можно влипнуть в дурацкую историю. Ну и что же все-таки рассказал ему этот самый Брежон? Кстати, в нем самом все еще проглядывал провинциал: он без конца упоминал в разговоре своих родственников, произнося их имена с таким почтением, словно это были исторические личности. Его сестра Луиза Брежон вышла замуж за Этьена Но. И следователь добавил, будто речь шла о всемирной знаменитости:

– Вы понимаете, за сына Себастьяна Но!

А этот Себастьян Но был всего-навсего крупный скототорговец в Сент-Обене, маленьком городке, затеряншемся где-то среди болот Вандеи.

– Этьен Но по линии матери связан с самыми лучшими семьями...

– Отлично. Далее?

– Рядом с их домом – он стоит в километре от городка-проходит железнодорожная ветка Ниор – Фонтенэ-ле-Конт... Около трех недель назад один местный парень, впрочем, из довольно хорошей семьи, во всяком случае со стороны матери – она урожденная Пелько, был найден на полотне мертвым. Сначала решили, что это несчастный случай, и я до сих пор придерживаюсь того же мнения... Но потом поползли слухи... стали приходить анонимные письма... Короче говоря, мой зять сейчас в ужасном положении: его чуть ли не открыто обвиняют в убийстве этого парня... Он мне прислал письмо, но такое сумбурное! Чтобы хоть как-нибудь прояснить дело, я связался с прокурором Фон-тенэ-ле-Конта – ведь Сент-Обен юридически подчинен Фонтенэ. И вопреки ожиданиям узнал, что обвинения носят довольно серьезный характер и следствия, по-видимому, не избежать. Вот почему, мой дорогой комиссар, я взял на себя смелость по-дружески просить вас...

Поезд остановился.

Мегрэ протер запотевшее стекло и не увидел ничего, кроме невзрачного домика, од-ного-единственного фонаря, небольшой платформы и железнодорожника, который бежал вдоль поезда и уже давал свистком сигнал к отправлению.. Хлопнула дверца какого-то купе, но не соседнего, и поезд тронулся. Значит, инспектор Кадавр едет дальше. Мелькали фермы, одни совсем близко, другие в отдалении, и свет их освещенных окон отражался в воде, словно поезд шел вдоль озера.

– Сент-Обен!

Мегрэ вышел на платформу. В Сент-Обене сошли трое пассажиров: старая женщина с корзиной из темных ивовых прутьев, Кавр и Мегрэ. Посреди платформы стоял очень высокий, очень широкоплечий человек в крагах и кожаной куртке. Лицо его выражало забавную растерянность. Ага, вот и сам Этьен Но. Конечно же, это он. Шурин известил его о приезде комиссара, вот он и стоит, думает, который из двух мужчин, сошедших с поезда, комиссар Мегрэ. Этьен Но направился к худощавому. Он поднес руку к шляпе и уже готов был обратиться к приезжему с вопросом, но Кавр с презрительной миной прошел мимо. Кавр всем своим видом показал, что он все знает. "Вы ошиблись. Это вон тот", – словно бы говорил он. Зять следователя Брежона круто повернулся.

– Комиссар Мегрэ, не так ли?.. Простите, я не сразу вас узнал... хотя ваши фотографии часто появляются в газетах... Но у нас здесь такая дыра, сами понимаете...

Он решительным движением отобрал у Мегрэ его чемоданчик, увидев, что комиссар роется в кармане в поисках билета, бросил: "Не нужно!.." и потащил Мегрэ за собой, но не к

зданию станции, а прямо к железнодорожному переезду. Проходя мимо начальника станции, он кивнул:

– Привет, Пьер!

Дождь не утихал. К столбу была привязана лошадь, впряженная в двухколесный английский шарабан.

– Садитесь, прошу вас. В такую погоду на машине по нашим дорогам не проедешь... А где же Кавр?

Мегрэ видел только, как он скрылся во тьме ночи. У него мелькнула запоздалая мысль, что неплохо было бы проследить за ним. Впрочем, смешно, едва сойдя с поезда, бросить человека, который приехал тебя встретить, и кинуться за случайным попутчиком. Вокруг не было никаких признаков жилья, лишь метрах в ста от станции за высокими деревьями горел фонарь. По-видимому, там проходила дорога.

– Прикройте ноги брезентом. Да, да, непременно. Даже и так они у вас наверняка промокнут, ведь мы поедем против ветра. В своем письме шурин мне подробно рассказал о вас... Мне очень неловко, что он потревожил столь занятого человека, как вы, из-за ничтожного дела. О, вы не представляете, что за люди в провинции!..

Кончиком кнута он коснулся мокрого крупа лошади, шарабан тронулся, и через несколько минут они, увязая колесами в черной грязи, катили по дороге, тянувшейся вдоль железнодорожного полотна. Справа от них фонари тускло освещали нечто вроде канала. Неожиданно, словно из небытия, перед ними возникла фигура мужчины с накинута на голову курткой. Прохожий сошел на обочину.

– Привет, Фабьен! – крикнул Этьен Но таким же фамильярным тоном, каким он поздоровался с начальником станции. Это был тон человека, который всех знает, убежден, что он здесь – господин положения и потому любого может назвать просто по имени...

Но где же Кавр, черт побери? Мегрэ ничего не мог с собой поделать: все его мысли вертелись вокруг инспектора.

– А гостиница в Сент-Обене есть? – спросил он.

Его спутник добродушно рассмеялся:

– Какая гостиница, помилуйте! У нас в доме места достаточно. Комната для вас приготовлена. Мы и ужин сегодня отложили на час: я подумал, что вы проголодаетесь с дороги. Надеюсь, вы не вздумали ужинать в ниорском буфете? У нас, правда, все по-простому, но...

Мегрэ, однако, было совершенно наплевать на то, как его там будут принимать. Его мысли были поглощены Кавром.

– Интересно, тот пассажир, что сошел вместе со мной...

– Понятия не имею, кто он, – поспешил заверить его Этьен Но.

Почему он не дал договорить? Ведь Мегрэ собирался спросить совсем о другом.

– Я хотел узнать, найдет ли он, где остановиться...

– Безусловно. Не знаю, как уж вам расписал Сент-Обен мой шурин... Он уехал в Париж давно и, наверно, до сих пор представляет его себе маленькой деревушкой... А ведь Сент-Обен, дорогой комиссар, уже небольшой городок. Вы, конечно, пока не могли заметить этого: станция находится на отлете. У нас есть две отличные гостиницы: "Золотой лев", ее содержит старик Тапонье, или, как все его называют, папаша Франсуа, а напротив – "Три мула"... Смотрите! Мы уже почти приехали... Видите свет?... Да, да... Вот и наша скромная хижина...

Уже по одному его тону можно было понять, что он приbedняется. И действительно, дом выглядел весьма внушительно. На первом этаже в четырех окнах горел свет, а снаружи, на середине фасада, освещая путь хозяину и его гостю, сверкала лампочка. За домом угадывался обширный скотный двор – оттуда доносился запах теплого стойла. К лошади, чтобы схватить ее под уздцы, уже торопился слуга, дверь в доме распахнулась, к коляске подбежала горничная и взяла чемоданчик Мегрэ.

– Вот и приехали!.. Как видите, совсем близко... К сожалению, когда строили дом, никто не мог предвидеть, что железная дорога пройдет чуть ли не под самыми нашими окнами... Конечно, ко всему привыкаешь, тем более что поезда ходят так редко, но все же... Прошу вас, входите... Снимите плащ...

"Да он болтает без умолку", – отметил про себя Мегрэ, но тут же его захлестнули иные мысли, и он с головой окунулся в новую атмосферу. Пол широкого коридора был выстлан серыми плитками, стены до уровня человеческого роста отделаны темными деревянными панелями. С потолка свисал фонарь с разноцветными стеклами. Широкая дубовая лестница с массивными перилами, навошенными до блеска, покрытая красной дорожкой, вела на второй этаж. В доме приятно пахло воском, тушеным мясом и еще чем-то сладковато-кислым. "Аромат провинции", – подумал Мегрэ. Но больше всего здесь поражала незыблемость, как казалось, ничем никогда не нарушаемая незыблемость всего окружающего. Чувствовалось, что все в этом доме-и мебель, и вещи-испокон веков стояло на своих местах, и даже люди, передвигаясь по дому, во избежание каких бы то ни было неожиданностей подчинялись раз и навсегда заведенному порядку.

– Не хотите ли перед ужином подняться в свою комнату? Здесь вы у себя дома. Прошу вас, без церемоний.

Он распахнул дверь в уютную гостиную. Сидящая там пара – дама и господин-тотчас же поднялась.

– Разрешите представить тебе комиссара Мегрэ... Моя супруга...

У нее была такая же бесцветная внешность, как у следователя Брежона, то же приветливое выражение лица, выработанное буржуазным воспитанием, но Мегрэ сразу же показалось, что в ее взгляде есть что-то более острое, более жесткое, чем у брата.

– Мне, право, очень неловко, что брат побеспокоил вас в такую погоду... Можно подумать, что дождь играет какую-то роль в этой поездке, что все дело в нем!

– Разрешите вам представить нашего друга: Альбан Гру-Котель. Шурин, наверно, говорил вам о нем...

Говорил ли Брежон о нем? Все возможно, но ведь Мегрэ тогда был целиком поглощен мыслями о ребристом абажуре.

– Очень приятно, господин комиссар. Я большой ваш поклонник.

Мегрэ хотелось ему ответить: "От меня вы не услышите подобного комплимента". В Гру-Котеле он сразу распознал тип человека, который был ему ненавистен.

– Не угостишь ли нас портвейном, Луиза?

Вино уже стояло на столике. В гостиной царил полумрак. Мало четких линий, вернее ни одной. Старинные кресла, большинство обито штофом. Ковры блеклых, неопределенных цветов. Перед пылающим камином нежилась кошка.

– Садитесь, прошу вас... Гру-Котель зашел поужинать с нами по-соседски...

Каждый раз, как упоминалось его имя, Гру-Котель кланялся с изысканной вежливостью, словно вельможа, который в обществе незначительных людей кокетничает тем, что ведет себя так же церемонно, как в светском салоне.

– Мне, старому затворнику, в этом доме любезно предоставили место за столом...

Затворник, конечно же, затворник. И к тому же, верно, холостяк. Трудно сказать почему, но это чувствовалось сразу.

Претенциозный. Никчемный. Наверняка с какими-нибудь причудами, да еще и кичащийся ими. Он, несомненно, уязвлен тем, что он не граф и не маркиз, что перед его фамилией нет приставки "де", но зато, должно быть, утешается своим вычурным именем-Альбан, и ему явно доставляет удовольствие слышать, как его произносят. Впрочем, фамилия тоже звучит недурно и пишется через дефис. Лет сорока, высокий, худой, считающий, видимо, что худоба – признак аристократизма, одетый не без претензий, довольно элегантно, в хорошо сидевший

неопределенного цвета костюм, который, казалось, никогда не был новым, и в то же время никогда не изнашивается, словно он сросся со своим владельцем и не нуждается в замене, он все равно выглядел каким-то пропыленным, что свидетельствовало об отсутствии в его жизни женщины. В дальнейшем Мегрэ видел Гру-Котеля только в зеленоватой куртке и белом пикежном галстуке, заколотом булавкой в виде подковки, – типичный провинциальный аристократ.

– Надеюсь, господин комиссар, поездка не слишком утомила вас? – спросила мадам Но, подавая гостю рюмку портвейна.

Мегрэ, плотно усевшись в кресле (хозяйка, должно быть, с опаской подумала, как бы оно не развалилось под такой тяжестью), односложно отвечал на вопросы и не без труда пытался разобраться в тех противоречивых впечатлениях, которые несколько подавили его. Должно быть, он показался семейству Но человеком весьма недалеким...

Взять хотя бы дом. Именно о таком доме часто мечтал Мегрэ-доме с надежными стенами, за которыми тепло и уютно. Портреты в гостиной восстановили в памяти комиссара пространный рассказ следователя обо всех Но, Брежонах, Ла Ну – ведь по линии матери Брежоны были родственниками Ла Ну – и, глядя на их важные, немного даже чванные физиономии, Мегрэ подумал, что и он, пожалуй, не отказался бы от таких предков. Запахи, идущие из кухни, сулят отменный ужин, а стук фарфоровых тарелок и звон хрусталя, доносящийся из столовой – она находится рядом с гостиной, – обещают, что сервировка окажется под стать ужину. В конюшне работник сейчас, наверно, всю скребет лошадей, в хлеву лениво пережевывают жвачку коровы, стоящие в стойлах двумя длинными рядами.

Тишь да благодать. Здесь царит порядок, здесь торжествует добродетель, в то же время, как бывает во многих семьях, которые живут обособленно, у этих людей, несомненно, имеются и свои чудачества, и свои смешные недостатки. Этьен Но, высокий, широкоплечий, розовощекий, с глазами навывкате и открытым лицом, на котором словно написано: "Смотрите, вот я какой!... Весь как на ладони... Добряк..." Добрый великан. Добрый хозяин.

Добрый отец семейства. Человек, имеющий право вот так запросто бросить со своей двуколки встречному прохожему:

– Привет, Пьер... Привет, Фабьен...

Его жена, совсем заслоненная своим верзилой мужем, застенчиво улыбается, как бы извиняясь за то, что он занимает так много места.

– Простите, господин комиссар, я на минутку покину вас...

Понятно. Так и полагается: она образцовая хозяйка и, прежде чем пригласить гостей к столу, должна взглянуть на него сама. Альбан Гру-Котель... У этого такой вид, словно он сошел со старинной гравюры. Он кажется тоньше, породистее, умнее хозяев дома и явно относится к ним с легким снисхождением. "Вы же сами видите, – как бы говорит его взгляд, – они неплохие люди, отличные соседи. Философского разговора с ними не заведешь, но у них очень мило, и, как вы сами убедитесь, здесь угощают настоящим бургундским и выдержанным коньяком..."

– Госпожа, все готово...

– Пожалуйста, к столу... Если вы не против, господин комиссар, прошу вас сюда. – Хозяйка указала ему место справа от себя.

Полная безмятежность. А ведь следователь Брежон в разговоре с Мегрэ казался взволнованным. "...Поверьте мне, я знаю зятя так же хорошо, как сестру и племянницу... Да вы и сами с ними познакомитесь... И тем не менее это гнусное обвинение с каждым днем становится все страшнее, так что делом, по-видимому, придется заняться прокуратуре... Мой отец в течение сорока лет был нотариусом в Сент-Обене, унаследовав эту профессию от своего отца... Вам покажут наш дом – он в самом центре городка... Я все пытаюсь понять, как за такое короткое время могла родиться эта слепая ненависть, захлестнувшая столько людей, ненависть, которая скоро сделает невыносимой жизнь невинных существ... Сестра всегда была слабого здо-

ровья... Она очень впечатлительная женщина, страдает бессонницей и болезненно воспринимает малейшую неприятность..."

Облик мадам Но опровергал слова следователя. Да и вообще, какие неприятности? Кажется, его пригласили сюда лишь для того, чтобы угостить вкусным ужином, а затем предложить партию в бридж. Потчужа гостя жаворонками, ему подробно рассказали, как местные крестьяне неводом, словно рыбу, вылавливают их ночью в лугах. Кстати, а где же дочь хозяев? "Женевьева, моя племянница, – сказал Мегрэ следователь, – чистая, наивная девушка, таких теперь можно встретить лишь в романах..." Надо сказать, что автор или авторы анонимных писем а Мегрэ прочел эти письма-как, по-видимому, и большинство жителей Сент-Обена, придерживались совсем иного мнения. И в конечном счете именно ее называли виновницей смерти Альбера Ретайо, парня, которого нашли мертвым на железнодорожном полотне. Мегрэ, разумеется, еще не разобрался в этом деле, но все, что он слышал о нем, совершенно не вязалось с тем, что он увидел в доме Этьена Но. Ведь злые языки болтали, будто Альбер был любовником Женевьевы и два-три раза в неделю приходил ночью к ней в комнату! Альбер был парень из бедной семьи. Ему едва исполнилось двадцать лет. Его отец работал в Сент-Обене на молочном заводе и погиб при взрыве котла. Мать жила на пенсию, которую по решению суда выплачивал ей владелец завода. "Альбер Ретайо не мог покончить жизнь самоубийством, – утверждали в письмах. – Он слишком любил жизнь и, даже если поверить в то, что парень был пьян, как уверяют некоторые, все равно, не такой он дурак, чтобы лезть под колеса поезда."

Тело бедняги было обнаружено метрах в пятистах от дома Этьена Но, примерно на полпути к станции. Да, но вот теперь поговаривают, что его кепку нашли гораздо ближе к дому Но, в тростнике на берегу канала. Мало того, ходили слухи, еще более наводящие на подозрение. Будто кто-то, зайдя к мадам Ретайо, матери Альбера, через неделю после его смерти якобы увидел, как она поспешно спрятала солидную пачку тысяче-франковых банкнотов. А разве у нее когда-нибудь водились такие деньги? – Как жаль, господин комиссар, что вы приехали к нам зимой! Летом наш городок так красив, что его прозвали зеленой Венецией... Разрешите предложить вам еще кусочек курицы?... А Кавр?.. Чего ради вдруг инспектор Кадавр пожаловал в Сент-Обен?..

Ели много. Много пили. В комнате было очень жарко. После ужина осоловевшие мужчины, вытянув ноги, уселись в гостиной перед пылающим камином.

– Прошу вас... Я знаю, вы курите трубку, но, может, соблазнитесь сигарой?

Неужели они пытаются усыпить его бдительность? Нет, смешно даже думать об этом. Просто славные люди. И только. Там, в Париже, следователь Брежон, должно быть, все сильно преувеличил... А вот Альбан Гру-Котель-напыщенный дурак, один из тех бездельников, каких сколько угодно в провинции.

– Вы, верно, устали с дороги... Если желаете отдохнуть...

Так, значит, сегодня разговор о деле не состоится. Может быть, мешает присутствие Гру-Котеля? Или Этьен Но не хочет говорить при жене?

– Вы пьете вечером кофе? Нет? Тогда чашечку настоя из трав?.. Вы извините, если я на минутку оставлю вас? Последние два-три дня дочери что-то неможется, и я хочу подняться к ней. Спрошу, не нужно ли чего-нибудь... Молодые девушки вообще существа хрупкие, а в нашей сырой местности особенно...

Мужчины, оставшись одни, курили, беседовали обо всем понемногу, даже о делах городка. Дело в том, что новый мэр находится в оппозиции к здравомыслящей части горожан и...

– Ну, господа, – нерешительно пробурчал наконец Мегрэ, – если вы не возражаете, я пойду спать...

– Вы тоже переночуете у нас, Альбан?.. Зачем вам в такой дождь тащиться домой?

Они поднялись на второй этаж. Комната Мегрэ, оклеенная желтыми обоями, оказалась в глубине коридора. Она напомнила ему детство.

– Вам ничего не нужно? Ах да, я забыл... Надо показать вам одно местечко... Мегрэ пожал хозяину и Гру-Котелю руки.

Разделся. Лег в постель. Он лежал и прислушивался к шорохам в доме. В полусне он слышал какой-то шепот, но вскоре все стихло. Похоже, что везде погасили свет. Мегрэ спал. Или ему казалось, что он спит. Сотни раз перед его глазами возникало мрачное лицо Кавра, самого, пожалуй, несчастного человека на свете. Потом Мегрэ приснилось, будто краснощекая горничная, которая прислуживала за ужином, принесла ему завтрак. Дверь в комнату приоткрылась. Он был совершенно уверен, что слышал, как она приоткрылась. Он сел в постели, с трудом, на ощупь отыскал у изголовья кнопку выключателя. В тюльпане из матового стекла зажглась лампочка, и Мегрэ увидел перед собой девушку в накинутом на ночную рубашку коричневом шерстяном пальто.

– Тсс! Мне необходимо с вами поговорить, – прошептала она. – Только тише...

Как сомнамбула, она опустилась на стул и устремила неподвижный взгляд в пространство.

2. Девушка в ночной сорочке

Это была крайне изнурительная, но необычайная ночь. Мегрэ спал и в то же время не спал. Он грезил и, однако, прекрасно сознавал, что это грезы, но охотно поддавался им, а все реальные звуки, доходившие до него сквозь сон, как бы сопровождались видениями. Например, он действительно слышал, как в конюшне лошадь била копытом в перегородку, но все, что, казалось ему, он видел, было уже грезами. Разморенный обильным ужином, он лежал в своей комнате, а перед его глазами вставали темень конюшни, круп лошади, ясли с сеном, двор, где все еще продолжал лить дождь и кто-то шлепал по черным лужам; видел, наконец, как бы со стороны дом, в котором он спал. Он словно раздвоился: он лежал в постели, он наслаждался ее теплом, приятным деревенским запахом, исходившим от матраца, еще более терпким оттого, что Мегрэ был весь в поту, и в то же время незримо присутствовал в каждом уголке дома.

А может, это стены дома стали вдруг его глазами и ушами? Он ясно представил себе коров в темном хлеву и слышал, как в четыре часа утра скотник прошел через двор и отодвинул дверной засов. Так почему же, спрашивается, он не мог видеть, как скотник при свете "летучей мыши", сидя на складном стульчике, сдает молоко в жестяное ведро? Потом, должно быть, Мегрэ крепко заснул, потому что в испуге вдруг вскочил, оттого что в уборной спустили воду, настолько неожиданным и громким был шум. И тогда он снова вернулся к своей игре. Теперь он увидел хозяина дома, который со спущенными помочами вышел из уборной и тихо проскользнул в спальню. Луиза Но, повернувшись к стене, спала или делала вид, что спит. Этьен Но зажег маленькую лампу над умывальником. Он брился, и от ледяной воды у него немели пальцы. Лицо у Этьена было розовое, кожа гладкая и блестящая. Вот он сел в кресло, чтобы надеть башмаки. Когда он уже выходил из комнаты, его остановил шепот, донесшийся из постели. Что сказала ему жена? Он наклонился к ней и что-то вполголоса ответил. Потом осторожно закрыл дверь и на цыпочках спустился по лестнице. И тогда Мегрэ, которому надоела эта колдовская ночь, соскочил с кровати и зажег лампу. Часы на ночном столике показывали половину шестого. Он прислушался, и ему показалось, что дождь прекратился или, если еще шел, то моросящий, бесшумный. Слов нет, вечером Мегрэ недурно поел и немало выпил, но, разумеется, в меру, а вот сейчас чувствовал себя словно после хорошей попойки. Доставая из несессера туалетные принадлежности, он мутным взглядом смотрел на свою развороченную постель и на стул, стоявший рядом с кроватью. Нет, конечно, то был не сон. Женестьева Но действительно приходила к нему. Она вошла без стука. Села на этот самый стул и сидела очень прямо, не опираясь на спинку. Ошеломленный, он в первый момент подумал, что она безумна. На самом же деле из них двоих скорее он выглядел обезумевшим.

Никогда еще ему не приходилось попадать в такое дурацкое положение: он лежит в постели в ночной рубашке, голова у него всклочена, во рту-неприятный вкус, а в это время у его изголовья садится девушка, собираясь посвятить его в какую-то тайну. Он пробормотал:

– Вы не могли бы отвернуться на минутку? Я встану и оденусь.

– Не надо... Мне нужно сказать вам всего два слова... Я беременна от Альбера Ретайо... Если об этом узнает мой отец, я покончу с собой, и никто меня не удержит...

Поскольку Мегрэ лежал, он даже не мог взглянуть ей в глаза. Помолчав немного, словно желая увидеть, какое впечатление произвели на него ее слова, она поднялась со стула, прислушалась и, выходя из комнаты, добавила:

– Делайте что хотите. Я целиком полагаюсь на вас.

Ему до сих пор не верилось, что эта сцена произошла на самом деле, сцена, в которой он выступал в униженной роли какого-то лежащего статиста! Нельзя сказать, чтобы он был очень застенчив, и все же он испытывал стыд от того, что молодая девушка видела его в постели, опухшим от тяжелого сна.

И еще больше задевало его то, что девушка вела себя по отношению к нему так пренебрежительно. Она не умоляла его, как того можно было ожидать, не бросилась к его ногам, не плакала. Перед его глазами всплыло лицо Женевиевы: правильные черты, немного похожа на отца. Он затруднился бы сказать, красива ли она, но у него создалось впечатление, что это цельная и уравновешенная натура, несмотря на безрассудство ее ночного визита. "Я беременна от Альбера Ретайо... Если об этом узнает мой отец, я покончу с собой, и никто меня не удержит..."

Мегрэ оделся, почти машинально раскурил свою первую утреннюю трубку, открыл дверь, тщетно поискав выключатель, ошупью прошел по коридору и спустился по лестнице вниз. Там тоже нигде не было видно ни проблеска света, зато он услышал, как в печке ворочали кочергой дрова, и пошел на этот звук. В столовой из-под двери, ведущей в кухню, просачивалась тоненькая полоска света.

Постучавшись, Мегрэ вошел. В кухне Этьен Но, положив локти на край стола, ел из миски суп, а старая кухарка в синем фартуке выгребала из плиты горячую золу. Этьен Но был неприятно удивлен появлением комиссара, Мегрэ это прекрасно заметил, но, может быть, просто оттого, что его застали завтракающим на кухне, словно он простой крестьянин.

– Уже поднялись, комиссар?.. А я, видите, сохранил старую деревенскую привычку... Когда бы ни лег, в пять утра уже на ногах. Надеюсь, не я разбудил вас?

Стоит ли говорить, что он проснулся от шума воды в уборной?..

– Не предлагаю вам супа, вы, конечно...

– Напротив...

– Леонтина...

– Да, да, месье, я слышала. Сейчас...

– Вы хорошо спали?

– Ничего... Правда, был момент, когда мне почудились за дверью чьи-то шаги...

Мегрэ сказал это, чтобы узнать, не застиг ли Этьен Но свою дочь в коридоре, но тот совершенно искренне удивился:

– Когда примерно? Вечером?.. А я ничего не слышал... Правда, если уж я усну, меня трудно разбудить. Наверно, наш друг Альбан ходил в уборную... Кстати, что вы можете сказать о нем? Симпатичный, не правда ли?.. Он очень образованный человек, но не кичится этим... Вы даже не представляете себе, сколько он читает... Он знает все, буквально все... Жаль, что ему так не повезло с женой...

– Он был женат?

Решив накануне, что Гру-Котель-типичный провинциальный холостяк, Мегрэ сразу насторожился, как будто от него что-то скрыли, хотели его обмануть.

– Не только был, но и сейчас женат. У него двое детей, сын и дочь. Старшему, должно быть, лет двенадцать-тринадцать..

– И жена живет вместе с ним?

– Нет... На Лазурном берегу... Это довольно печальная история, в Сент-Обене о ней никогда не упоминают. И, знаете, ведь его жена из хорошей семьи, ее девичья фамилия Деарм... Да, да, племянница генерала Деарма... Несколько эксцентричная молодая особа, которая никак не хотела понять, что она живет в Сент-Обене, а не в Париже... Ну, начались скандалы. И вот однажды, воспользовавшись тем, что зима стояла суровая, она уехала в Ниццу да там и осталась. И дети с ней... Хм... Ну и, естественно, живет не одна...

– И муж не потребовал развода?

– У нас это не принято...

– А чье состояние значительнее?

Этьен Но с упреком посмотрел на Мегрэ. Он предпочел бы не отвечать на этот вопрос.

– Она, конечно, очень богата...

Кухарка села и принялась молоть кофе в старинной, с большой медной крышкой, мельнице.

– Вам повезло, дождь кончился. Мой шури́н-следователь родом из наших мест, и уж кто-кто, а он-то должен был посоветовать вам прихватить с собой сапоги. Ведь мы живем среди болот. До некоторых из моих ферм – мы их называем хижинами – ни летом, ни зимой без лодки не доберешься. Кстати, о шури́не... Мне очень неловко, что он отважился просить такого человека, как вы...

Главное, что беспокоило Мегрэ со вчерашнего вечера и чего до сих пор он так и не смог понять, это – где он: среди честных людей, которым нечего скрывать и они от души стараются как можно лучше принять приезжего парижанина, или же среди хитрецов с нечистой совестью, которые не знают, как отделаться от нежеланного гостя, навязанного им следователем Брежо́ном. И Мегрэ попытался кое-что прояснить для себя.

– А в Сент-Обен мало приезжает народу, – проговорил он, продолжая есть суп. – Я вчера заметил, нас было всего двое, если не считать старой крестьянки в чепце.

– Совершенно верно.

– А тот, что сошел с поезда вместе со мной, он местный?

Этьен Но медлил с ответом. Почему? Но Мегрэ пристально смотрел на него, и тому стало стыдно своей растерянности.

– Раньше я никогда не видел его, – торопливо сказал он. – Вы, наверно, заметили, я даже сперва принял его за вас.

Тогда Мегрэ изменил тактику:

– Не понимаю, зачем он приехал сюда, вернее, кто его вызвал?

– Вы его знаете?

– Он – частный сыскной агент. Я должен сегодня же, прямо с утра, выяснить, что он здесь делает. По-видимому, он остановился в одной из двух гостиниц, о которых вы мне вчера говорили?..

– Я сейчас отвезу вас туда на двуколке.

– Благодарю, но я предпочитаю пройтись пешком, поброжу немного по городу.

И вдруг Мегрэ осенила мысль: а не собирался ли Этьен Но рано утром, пока он спит, поехать в городок и встретиться там с инспектором Кавром? Что ж, это возможно. Не исключено и то, что ночной визит Жене́вьевы – тоже часть плана, разработанного всей семьей. Но тут же Мегрэ упрекнул себя за такие мысли.

– Надеюсь, у вашей дочери ничего серьезного?

– Нет... Откровенно говоря, мне кажется, что она больна не более, чем я... Мы приняли все меры, но до нее тем не менее дошли сплетни, что ходят по округе... А она гордая... Все девушки таковы... В этом, я думаю, и кроется истинная причина того, почему она уже три дня не выходит из своей комнаты. А потом, кто знает, может, она стесняется вас.

"Эх ты, простофиля!" – усмехнулся про себя Мегрэ, вспоминая о ночном визите Жене́вьевы.

– При Леонти́не мы можем говорить все, – продолжал Этьен Но. – Она меня знает с детства. Она в нашей семье с... с какого времени, Леонтина?

– С первого моего причастия.

– Еще немного супу? Нет?.. Видите ли, я нахожусь в весьма затруднительном положении и уж нет-нет да и подумаю, не допустил ли мой шури́н тактическую ошибку... Вы, конечно, скажете, что он разбирается в подобных вещах лучше меня, ведь это его профессия... Но он так давно уехал отсюда, что, видимо, позабыл атмосферу нашей провинции...

Трудно было поверить, что Этьен Но неискренен, он говорил с непринужденностью человека, который высказывает все, что у него на душе. Он сидел, вытянув ноги, и набивал трубку,

а Мегрэ тем временем кончал свой завтрак. В кухне было тепло, пахло кофе, который молола Леонтина, а в глубине темного двора, чистя коров, что-то насвистывал скотник.

– Поймите меня правильно... Здесь всегда время от времени возникают какие-нибудь слухи то об одном, то о другом человеке... Не спорю, на сей раз обвинение серьезное... Но я думаю, не лучше ли просто не обращать на это внимание... Вы были так любезны, что откликнулись на просьбу моего шурина... Оказали нам честь приехать сюда... Сейчас об этом знают уже все, можете быть уверены... Языки работают... Как я предполагаю, вы собираетесь расспросить людей?.. Воображение разыграется еще больше... Право, я не знаю, нужно ли это... Почему вы так мало едите?.. Я ежедневно объезжаю свои владения. Если не боитесь холода, составьте мне компанию, я буду рад.

Когда Мегрэ надевал плащ, со второго этажа спустилась горничная – она вставала на час позже старой кухарки. Дверь во двор была открыта, оттуда дышало холодом и сыростью. Целый час Мегрэ и Этьен Но осматривали службы. На небольшой грузовичок слуги ставили бидоны с молоком. В этот день нужно было отправить в соседний город на ярмарку коров, и погонщики в темных халатах отбирали их. В глубине двора под навесом стояли конторка, небольшая круглая печка, стол и на нем-картотека и регистры: записи вел служащий Этьена Но, обутый, как и хозяин, в высокие сапоги.

– Простите, я на минутку... На втором этаже дома свет горел только в одном окне: это встала мадам Но. Гру-Котель еще спал. Спала и Женестьева. Горничная натирала пол в столовой. А здесь в темноте двора и служб шла своя жизнь: сутились скотники, выгоняя коров, фыркал мотор грузовичка.

– Ну, вот и все... Еще несколько распоряжений... Попозже я сам поеду на ярмарку, мне надо встретиться кое с кем из фермеров. Если будет время и если вам это интересно, я расскажу, как организовано мое хозяйство. На остальных фермах я веду молочное животноводство и снабжаю молоком завод. А здесь мы занимаемся выведением племенных пород, которые большей частью идут на экспорт. Я поставляю скот даже в Южную Америку... Теперь я полностью в вашем распоряжении. Через час совсем рассветет. Если вам нужна машина куда-нибудь поехать... Или если у вас есть вопросы ко мне... Я не хочу ни в чем вас стеснять... Будьте как дома...

Он говорил с широкой улыбкой на лице, но оно, пожалуй, омрачилось, когда Мегрэ кратко сказал в ответ:

– Ну что ж, если вы не возражаете, я пойду пройду... Дорога была такая топкая и грязная, словно канал протекал как раз под нею, а не рядом.

Справа возвышалась железнодорожная насыпь. Впереди, примерно в километре от дома, виднелось ярко освещенное здание; судя по красным и зеленым огням рядом с ним, то была станция. Оглянувшись и заметив, что на втором этаже зажегся свет еще в двух окнах, Мегрэ подумал об Альбане Гру-Котеле и с недоумением вспомнил, как его удивило, а вернее, даже раздражило известие, что тот женат. Небо прояснилось. Миновав станцию, Мегрэ свернул налево. Начинался городок. Окна нижнего этажа одного из первых домов были освещены, над ними виднелась вывеска "Золотой лев". Мегрэ вошел. Он очутился в длинном зале с низким потолком, где все – и стены, и потолочные балки, и узкие деревянные столы, и скамьи без спинок-было коричневого цвета. Плита в глубине зала еще не топилась. У камина, в котором медленно горели дрова, женщина неопределенного возраста, склонившись над решеткой, варила кофе. Она мельком взглянула на вошедшего, но не произнесла ни слова. Мегрэ сел за столик под тускло светившей пыльной лампочкой.

– Рюмку местной наливки! – попросил он, стряхивая водяную пыль с набухшего в тумане плаща.

Женщина ничего не ответила, и он решил, что она не расслышала. Она продолжала ложечкой мешать кипящий в кастрюльке кофе, по запаху малособлазнительный. Когда кофе

был готов, она перелила его в чашку, поставила на поднос и направилась к лестнице, на ходу бросив Мегрэ:

– Сейчас спущусь.

Мегрэ был убежден, что кофе предназначался Када-вру, и он не ошибся: доказательством тому было знакомое пальто, которое он заметил сейчас на вешалке. Наверху, у него над головой, слышались шаги – это в комнату вошла хозяйка, и голоса, но о чем говорили, Мегрэ не разобрал. Прошло минут пять. Потом еще столько же. Мегрэ тщетно несколько раз стучал монеткой по столу. Наконец через добрых четверть часа женщина спустилась. Вид у нее был еще более неприветливый, чем раньше.

– Что вы просили?

– Рюмку местной наливки.

– Нету.

– У вас нечего выпить?

– Наливки нет, а коньяк есть.

– Тогда дайте коньяку.

Женщина подала ему коньяк в рюмке из такого толстого стекла, что в нее поместилось всего несколько капель.

– Скажите, мадам, это у вас, конечно, вчера вечером остановился мой друг?

– Не знаю, ваш ли он друг...

– Вы поднимались к нему?

– У меня постоялец, и я подала ему кофе.

– Насколько я его знаю, он, конечно, засыпал вас вопросами, не так ли?

Найдя тряпку, хозяйка принялась вытирать на столах оставшиеся с вечера винные пятна.

– А это правда, что Альбер Ретайо был у вас вечером накануне своей гибели?

– А вам что за дело?

– Он, верно, был славным малым. Мне рассказывали, будто он в тот вечер играл в карты.

Во что у вас здесь играют, в бел от?

– В куанше.

– Значит, играл с друзьями в куанше... Он, кажется, жил вместе с матерью? Я слышал, она достойная женщина.

– Хм...

– Что вы сказали?

– Я? Ничего. Это вы говорите без умолку, и я не пойму, к чему вы клоните.

Наверху снова слышалось какое-то движение. По-видимому, Кавр одевался.

– Она живет далеко отсюда?

– В конце улицы, в тупичке... Дом с тремя каменными ступеньками...

– А мой друг Кавр, что остановился у вас, еще не был у нее?

– Интересно, как он мог пойти к ней, если он только встает?

– Он пробудет здесь несколько дней?

– Я этим не интересовалась...

Хозяйка распахнула окна, чтобы откинуть ставни, и Мегрэ увидел, что на улице уже почти светло, но утро пасмурное.

– А как вы считаете, Ретайо в тот вечер был пьян?

Она вдруг огрызнулась:

– Не больше, чем вы, хотя вы и пьете коньяк ни свет ни заря!

– Сколько с меня?

– Два франка.

Гостиница "Три мула", более современная на вид, находилась как раз напротив, но Мегрэ не счел нужным заходить туда.

Кузнец разводил огонь в своей кузнице. Какая-то женщина прямо с порога дома выплеснула на середину улицы ведро помоев. Раздался слабый звоночек, напомнивший Мегрэ его детство, и из лавки булочника с батоном под мышкой выбежал мальчик в деревянных башмаках. В окнах, когда Мегрэ проходил мимо, колыхались занавески. Чья-то рука протерла запотевшее стекло, и он увидел старое, морщинистое лицо с красными, как у Кадавра, веками. На правой стороне улицы возвышалась церковь из серого камня с потемневшей от дождя шиферной крышей, и из нее вышла женщина. Худощавая, лет пятидесяти, одетая в глубокий траур, она держалась очень прямо. В руке у нее был молитвенник, завернутый в кусок черного крепа. Не зная, куда идти дальше, Мегрэ остановился на углу небольшой площади, над которой дорожный знак предупреждал автомобилистов: "Школа". Мегрэ проследил глазами за женщиной. Он увидел, что, дойдя до конца улицы, она свернула в какой-то тупичок, и сразу же почему-то решил, что это мадам Ретайо. Вспомнив, что Кавр еще не был у нее, Мегрэ поспешил вслед за ней. Он не ошибся. Когда он вошел в тупичок, женщина уже поднялась по трем ступенькам к двери небольшого домика и вынула из сумочки ключи.

Несколько минут спустя Мегрэ постучал в стеклянную дверь, завешенную изнутри гипюровой занавеской.

– Войдите.

Женщина только успела снять пальто и шляпу с крепом. Молитвенник еще лежал на покрытом клеенкой столе. В белой эмалированной плите горел огонь. Решетка плиты была тщательно начищена наждаком.

– Простите, мадам, что я побеспокоил вас. Вы мадам Ретайо?

Мегрэ чувствовал себя не слишком уверенно: она ни словом, ни жестом не пыталась подбодрить его. Она стояла в ожидании, скрестив руки на животе, и лицо у нее было будто восковое.

– Мне поручили провести следствие в связи со слухами, что ходят о смерти вашего сына...

– Кто поручил?

– Я комиссар Мегрэ, из уголовной полицией. Смею вас уверить, что следствие не носит официального характера.

– Что вы хотите сказать этим?

– Что дело еще не передано в суд.

– Какое дело?

– Вы, вероятно, знаете, мадам, – простите, что я говорю о столь тяжелых вещах, – что вокруг смерти вашего сына ходят разные слухи...

– Людям рта не заткнешь...

Чтобы выиграть время, Мегрэ стал разглядывать фотографию в овальной позолоченной рамке, которая висела на стене, слева от кухонного буфета орехового дерева. Это был портрет стриженного бобриком мужчины лет тридцати, с пышными усами.

– Ваш супруг?

– Да...

– Если не ошибаюсь, он погиб в результате несчастного случая, когда ваш сын был еще ребенком. Мне рассказали, что вам пришлось судиться из-за пенсии с молочным заводом, где он служил.

– Вам наплели невесть что. Ни с кем я не судилась. Владелец завода, месье Оскар Друз, сделал все, что требовалось без всякого суда.

– А позже, когда ваш сын вырос, он взял его к себе в контору. Ваш сын был счетоводом у него?

– Временно – помощником управляющего. Будь он постарше, он бы и занимал этот пост.

– Нет ли у вас его фотографии?

Едва Мегрэ произнес эти слова, как увидел на круглом столике, покрытом красной плюшевой скатеркой, маленькую фотографию. Боясь, как бы мадам Ретайо не помешала, он торопливо схватил ее.

– Сколько ему здесь?

– Девятнадцать. В прошлом году снимался.

Красивый парень, здоровый, немного скуластый, с чувственным ртом и искрящимся весельем взглядом. Мадам Ретайо, по-прежнему не двигаясь с места, украдкой вздохнула от нетерпения.

– У него была невеста?

– Нет.

– А связь с какой-нибудь женщиной?

– Мой сын был слишком юн, чтобы обращать внимание на женщин. Он был серьезный мальчик и думал только о работе.

Пылкий взгляд юноши, весь его облик говорили другое.

– Скажите, когда вы узнали, вы тоже подумали... Простите меня... Вы должны понять, что я хочу спросить... Вы поверили, что это несчастный случай?

– А что же еще могло быть?

– Я хочу сказать, у вас не возникло никаких подозрений?

– По поводу чего?

– Он никогда не говорил вам о мадемуазель Но?.. Случалось ли, что он возвращался домой ночью?

– Нет.

– Месье Но... потом не приходил к вам?

– У нас с ним нет ничего общего.

– Да, конечно... Но все же он мог бы... И месье Гру-Котель, разумеется, тоже не приходил?

Что это? Мегрэ показалось? Или в ее взгляде действительно мелькнул злой огонек?

– Нет, не приходил, – бросила она.

– Значит, вы отвергаете слухи, что ходят по поводу обстоятельств этой драмы?..

– Да. Я не обращаю на них внимания. Я даже знать не хочу, что там болтают.

Если вас подослал месье Но, можете передать ему мои слова. Несколько секунд Мегрэ стоял неподвижно, полужакрыв глаза, и повторял про себя эту фразу, словно старался запечатлеть ее в памяти: "Если вас подослал месье Но, можете передать ему мои слова". Знала ли она, что вчера на вокзале его встречал Этьен Но? Знала ли, что именно Этьен Но, хотя и косвенно, был причиной его приезда сюда из Парижа? Или только догадывалась об этом?

– Простите, мадам, за то, что я взял на себя смелость прийти к вам, да еще в такой ранний час...

– Для меня это не рано.

– До свидания, мадам.

Она молча, без единого жеста смотрела, как он идет к двери, как закрывает за собой дверь. Не успел Мегрэ сделать и десяти шагов, как увидел инспектора Кавра: тот стоял на краю тротуара, словно часовой.

Может, Кавр ждал, когда выйдет Мегрэ, чтобы в свою очередь предстать перед мадам Ретайо? Мегрэ решил все выяснить, тем более что разговор с матерью Альбера привел его в дурное расположение духа, и он был не прочь отыграться на своем бывшем коллеге. Мегрэ раскурил трубку, которую он, перед тем как войти к мадам Ретайо, загасил, придавив табак большим пальцем, пересек улицу и остановился на тротуаре, как раз перед Кавром. На лице его было написано, что он твердо решил не сходить с этого места.

Городок постепенно оживал. В школу, ворота которой выходили на церковную площадь, бежали дети. Большинство учеников пришли издалека, закутанные в шарфы, в ярких носках из грубой шерсти и деревянных башмаках. "Ну, дорогой мой Кадавр, теперь твой черед. Иди же!" – с насмешкой глядя на него, словно бы говорил Мегрэ. Кавр стоял не двигаясь и смотрел в другую сторону, всем своим видом показывая, что ему наплевать на эти глупые шутки. А вдруг в Сент-Обен Кавра вызвала мадам Ретайо? Вполне вероятно.

Она странная женщина, и ее не так-то легко раскусить. В ней есть что-то от простой крестьянки-взяты хотя бы ее недоверчивость, и в то же время что-то от провинциальных буржуа. Сквозь ее неприступность проглядывала спесь, которую ничем нельзя сбить. А как она держалась! Это произвело на Мегрэ сильное впечатление. За все время, что он провел у нее, она не сделала ни одного шага, ни одного жеста-так иные животные замирают при виде опасности-и лишь сквозь зубы цедила отрывистые фразы. "Ну, мой дорогой Кадавр, чего же ты ждешь?.. Решись наконец... Действуй..."

Кадавр пританцовывал на месте, чтобы согреться, но явно не собирался ничего предпринимать, пока Мегрэ не перестанет следить за ним. Ситуация создалась дурацкая. Глупо было упорствовать, просто ребячество, но Мегрэ не сдавался. И напрасно. В половине девятого какой-то невысокий, краснолицый человек вышел из своего дома, подошел к мэрии, достал ключ и отпер дверь. Вслед за ним в мэрию вошел Кавр. А ведь именно туда и собирался пойти Мегрэ прежде всего, чтобы получить информацию у местных властей. А теперь его опередил Кадавр, и ему не оставалось ничего другого, как ждать своей очереди.

3. Господин, от которого все хотят избавиться

В дальнейшем на эту тему был наложен запрет: Мегрэ никогда не говорил о первом своем дне в Сент-Обене, в особенности о том злосчастном утре, и, наверно, много бы дал, чтобы навсегда вытравить его из своей памяти. Больше всего его выбивало из колеи то, что здесь он, по существу, не был комиссаром Мегрэ. И правда, чьим официальным представителем он являлся в Сент-Обене? Ничьим. Вот и получилось, например, что Жю-стен Кавр вошел в мэрию первым, а он, Мегрэ, понуро стоит на улице среди этих домов, напоминавших ему почему-то гигантские поганки, над которыми нависло свинцово-темное небо, готовое, как назревший нарыв, вот-вот прорваться.

За ним, Мегрэ, наблюдали, он это чувствовал. Из-за каждой занавески на него был устремлен любопытный взгляд. Конечно, мнение нескольких старух или жены мясника его не волновало. Пусть думают о нем, что хотят, и пусть даже, если им угодно, смеются над ним – ведь встретила же его дружным хохотом ватага спешивших в школу ребятишек. Но Мегрэ не покидало ощущение, что его словно бы подменили. Было бы преувеличением сказать, что он чувствовал себя не в своей тарелке, но что-то похожее он ощущал.

Что, например, произойдет, если он сейчас, войдя в приемную мэрии с побеленными стенами, постучит в серую дверь, на которой висит написанная черными буквами табличка "Секретариат"? Его просто-напросто попросят подождать своей очереди, как это бывает, когда приходишь оформить метрическое свидетельство или просить пособие. А тем временем этот самый Ка-давр, сидя в хорошо натопленном кабинете, будет спокойно выспрашивать у секретаря все, что ему нужно. Мегрэ приехал сюда в неофициальном порядке. Если говорить по совести, то он даже не имел права называться комиссаром уголовной полиции, что же касается его имени, то еще неизвестно, знает ли о Мегрэ в этой дыре, окруженной топкими болотами и стоячими водами, хоть одна живая душа. Кстати, он вскоре проверил это на опыте. Томясь, он ждал, когда выйдет Кавр. И тут ему пришла в голову мысль: а что, если не отставать от Кавра, все время следовать за ним по пятам, не выпускать из виду и даже подойти к нему в упор и сказать:

"Послушайте, Кавр, к чему нам играть в прятки? Вы приехали сюда не ради собственного удовольствия. Кто-то вас вызвал. Скажите мне, кто именно и какое задание вы получили..." До чего же легким делом казалось ему сейчас официальное следствие! Прибудь он в город, который находится в его ведении, как представитель уголовной полиции, ему достаточно было бы отправиться на почту и там заявить: "Я комиссар Мегрэ. Немедленно соедините меня с управлением... Алло! Это ты, Жанвье?.. Слушай, садись в машину... Приезжай сюда... Когда увидишь, что Кадавр вышел... Ну да, Жюстен Кавр... Правильно... Пойдешь за ним и не теряй его из виду..."

Кто знает, может быть, он поручил бы взять под наблюдение и Этьена Но, который только что, сидя за рулем своей машины, пронесся мимо него в сторону Фон-тенэ. Да, быть комиссаром Мегрэ легко! В его распоряжении целый штат вышколенных сотрудников. К тому же там, в Париже, стоит ему лишь назвать свое имя, как люди из кожи лезут, чтобы оказать ему услугу.

Но в этой дыре мало кто слышал о нем, хотя в газетах часто появлялись и его имя, и его фотографии. Даже Этьен Но на вокзале принял за него Жюстена Кавра. Его хорошо встретили в доме. Но из уважения к родственнику, парижскому следователю, а вообще-то они явно недоумевают, зачем, в сущности, он приехал. Вот, наверно, что мог бы сказать ему по этому поводу Этьен Но: "Мой шурин-милейший человек, и он, несомненно, желал нам добра, но он так давно покинул Сент-Обен, что плохо представляет себе здешнюю обстановку. С его стороны очень любезно, что он прислал вас сюда. Очень любезно и с вашей стороны, что вы приехали. Ешьте. Пейте. Прогуляйтесь со мной по моим владениям. Но только ни в коем случае не считайте

себя обязанным задерживаться в нашем сыром и унылом городишке. И главное-не считайте себя обязанным заниматься этой пустячной историей. Она касается только нас одних". А ведь если разобраться, ради кого он трудится? Ради Этьена Но. А Этьен Но всеми способами дает ему понять, что он против серьезного расследования. Ну, а что касается ночного визита Женевьевы, то это уже просто ни на что не похоже. Пришла к нему в комнату и без всяких околичностей заявила: "Я была любовницей Альбера Ретайо. Я беременна от него. Если вы скажете об этом отцу, я покончу с собой". Но ведь если она действительно была любовницей Альбера, то это чудовищно усугубляет обвинения против Этьена Но. Подумала ли она об этом? Или девица сознательно подводит под суд своего отца? А мать жертвы? Она просто молчала. Ничего не подтверждала, ничего не отрицала и всем своим видом давала ему понять, что он суется не в свое дело. Для всех здесь, даже для старух, притаившихся за окнами-их присутствие выдавали колыхавшиеся занавески, даже для ребятишек, которые пробежали сейчас мимо и, оглянувшись, весьма невежливо расхохотались ему в лицо, для всех он нежелательный чужак, даже больше! – какая-то подозрительная личность, неизвестно откуда явившаяся и, главное, неизвестно чего ради. Да и впрямь: стоит посреди улицы странный тип, руки в карманах широченного плаща. Ни дать ни взять-один из числа тех гнусных личностей, которых скупают тайные пороки и которые слоняются в Париже по району Порт-Сен-Мартен да и по другим подобным местам, опустив плечи, пряча лицо, и при виде блюстителей нравственности настороженно жмутся к стенам домов. Неужели это присутствие Кавра так подействовало на него? Мегрэ захотелось послать кого-нибудь в дом Этьена Но за чемоданчиком, сесть в первый же поезд и уехать, а следователю Брежону сказать: "Они не желают моего вмешательства. Пусть ваш зять действует по собственному усмотрению..." И все же, когда Кавр с портфелем под мышкой – что в глазах обывателей подчеркивало его принадлежность к законодательным органам и тем самым придавало ему вес-удалился из мэрии, Мегрэ вошел туда. Секретарь, неопрятного вида человек, даже не потрудившись встать, угрюмо буркнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.